

жилищ. Вероятно, на всех этих проблемах следовало бы остановиться более подробно в разделе, посвященном IX—XIII вв., тем более, что последующее градостроительство вплоть до XVII в. развивало домонгольские традиции. Более значительные изменения во времени коснулись богатых деревянных и каменных хором знати и, следовательно, к реконструкциям дворцовых строений XI—XIII вв. по известным образцам XVI—XVII вв. следует относиться с очень большой осторожностью.

К сожалению, вне исследования М. Г. Рабиновича остались вопросы демографии, интенсивно разрабатываемые в настоящее время западной медиевистикой. Примерные расчеты численности населения некоторых городов в разные периоды представляли бы значительный интерес.

Связь живого человека с условиями его существования ярко проявляется в истории и семантике одежды (очерк «Городской костюм»). В ее формах отчетливо «читаются» демократизм, ценность национальной традиции, ощущение индивидуальной привлекательности ремесленного изделия по сравнению с обезличенной фабричной продукцией. М. Г. Рабинович рассматривает многообразные функции одежды, которые особенно ярко проявились в условиях города со сложным социальным и этническим составом населения, особой интенсивностью общественной жизни и быта. В изложении автора одежда образует упорядоченную семантическую знаковую систему. Традиционность костюма средневековых горожан, близость его к крестьянскому отнюдь не исключала оппозиций официальной и неофициальной (собственно бытовой) одежды, костюма рядовых жителей и людей зажиточных (разница в материале, украшениях, количестве одновременно надеваемых одеяний), а также оппозиции единообразия и вариативности.

Представление о бытовой среде русских горожан было бы неполным без очерка «Стол горожанина», содержащего обширный фактологический материал. Здесь перечислены главные продукты питания, кушанья и напитки, рассказано о заготовке продуктов впрок и способах их хранения, об обогащении меню с течением времени, о привозных яствах, об утвари для приготовления пищи, столовой и парадной посуде. Подробно описаны различия в трапезах господ и их слуг, отражающие социальные градации. Имеется раздел о ритуальных блюдах, характерных для храмовых праздников, свадебного, крестильного и поминального столов, раскрывается дохристианское магическое значение этих кушаний, их связь с аграрными культами и почитанием предков. Праздничные пиры с большим числом приглашенных являлись важным элементом общественной жизни. Торжественные семейные застолья и общественные праздничные столования горожан — братчины выступают как факт культуры, как форма общения и консолидации малых социальных групп, устойчивых микросообществ. В сознании средневекового человека совместная трапеза — это не только еда и питье, но и истовая благодарность святым за их покровительство, надежда на будущее благополучие и на людскую солидарность, столь необходимая в суровом и нестабильном мире.

Подводя итоги, можно констатировать, что предпринятая М. Г. Рабиновичем попытка рассмотреть главнейшие стороны материальной культуры русских горожан на протяжении тысячелетия несомненно увенчалась успехом. Как вполне справедливо пишет сам автор, при этом создается «глубокая историческая перспектива, возможность проследить исторические корни многих явлений городской жизни, пути их развития, преемственность типов» (Очерки материальной культуры... с. 265). Всей совокупностью материалов опровергается тезис о двух антагонистических культурах, правомерно высказанный В. И. Лениным по отношению к капиталистической формации, но механически и без должного анализа отнесенный нашими историками и к периоду феодализма. Вместе с тем широкие хронологические границы исследования во многих случаях привели к суммарным характеристикам разнородных, иногда лишь чисто внешне сходных явлений. Вероятно, следовало бы подробнее остановиться на роли церкви в повседневной жизни горожан.

Жизнь и культура древней Руси — все еще часть нашей сегодняшней жизни и культуры. Значение многолетнего труда М. Г. Рабиновича в первую очередь состоит в том, что категории общественного развития рассмотрены в конкретном воплощении, в неразрывной связи с живым человеком во всем многообразии условий его существования. Микромир, окружавший русского горожанина, его бытовая практическая жизнедеятельность выступают во всем их неповторимом своеобразии.

В. П. Даркевич

Примечания

¹ Марк Блок. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 17.

² Там же. С. 18.

© 1990 г.

Л. М. Русакова. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1989. 176 с. 102 илл.

Новая книга Л. М. Русаковой рассчитана, безусловно, на специалистов — разговор о традиционном изобразительном искусстве русских крестьян Сибири ведется на строго научном языке. Этого требовал сам замысел автора, весьма смелый и новаторский. Впервые на сибирском материале

конца XVIII — первой четверти XX в. решается задача не простого описания памятников художественной деятельности крестьянства (включая технику изготовления), а и реконструкции идей, мировоззренческих установок, закодированных в тех мотивах и композициях, из которых складывались орнаменты, украшавшие детали крестьянских построек, одежды, металлических украшений, предметов повседневного обихода. Поскольку истоки последних восходили к мировоззрению древнего человека, от автора потребовалось глубокое вторжение в первобытность, ее мифологию, а также привлечение данных археологии, фольклористики, философии, искусствоведения, лингвистики, собственно истории и этнографии. Только прекрасное знание теории, свободная ориентация в многопрофильной специальной литературе, наложенные на представительную источниковую базу, смогли обеспечить успех авторского замысла.

Л. М. Русакова сумела выявить в музеях Москвы, Ленинграда, Сибири и Казахстана широкий круг вещественных памятников, датируемых XIX — началом XX в. При работе над монографией ею были использованы и собственные находки предметов крестьянского искусства, сделанные во время экспедиций в Алтайский край и Восточно-Казахстанскую область. Кроме того автором привлечены многочисленные документы, хранящиеся в фондах центральных и сибирских архивов, и опубликованные письменные источники. Часть использованных материалов была получена из личных собраний исследователей-сибиреведов. Таким образом, у автора имелась возможность сопоставления разнородных источников с целью их взаимопроверки и получения возможно более весомых научных результатов. Особенно важно, что авторский анализ в книге опирается на богатейший иллюстративный материал.

Внимательному изучению подверглись, в частности, резьба и роспись по дереву. При этом Л. М. Русакова стремится выявить их локальные варианты — и в оформлении крестьянского жилища, и в украшении предметов домашнего обихода, орудий труда. В деятельности сибирских умельцев-декораторов, как доказывается в работе, находили свое проявление в первую очередь художественные традиции Русского Севера. Устанавливается также значительное влияние на сибиряков крестьянского искусства некоторых среднерусских и южно-великорусских районов, Поволжья. Причем автор прослеживает творческое развитие традиций, вынесенных из Европейской России, в специфических эколого-демографических условиях различных зон Сибири. В книге выявляются и общие черты, свойственные сибирскому сельскому зодчеству конца XVIII — начала XX в. «Суровая сибирская природа, нелегкая жизнь поселенцев, обживавших новые места,— заключает, в частности, Л. М. Русакова,— наложили на внешний вид жилища печать аскетизма. Декоративные украшения (там, где они имелись) были немногочисленными, по-своему сдержанными, строгими — под стать облику дома в целом. Художественной обработке подвергались в первую очередь основные конструктивные элементы жилища» (с. 11).

Большой интерес представляет наблюдение автора относительно происхождения барочной формы оконных наличников в селениях Приангарья, Забайкалья и притрактовой зоны (вдоль Московско-Сибирского тракта). Детальное исследование вариаций барочного мотива в деревенском домостроительстве позволило Л. М. Русаковой поставить под сомнение позицию тех специалистов, которые связывают возникновение этого мотива с влиянием городских архитектурных форм, и сделать вывод о его языческих истоках. Вместе с тем в книге приводится внушительный материал, свидетельствующий о непрерывно растущем воздействии города на крестьянское зодчество. «Перекрытия ворот,— говорится, например, на с. 39,— придавались самые различные формы: прямоугольные, треугольные, овальные. Двускатные крыши над воротами иногда заменялись маленькими четырехскатными крышами над каждым из трех столбов. Иногда концы столбов (верей) завершались маленькими куполами по типу церковных. В некоторых случаях деревянные столбы обшивались досками с фаской, имитирующими кладку камня, их навершия украшались точеными вазами. Нововведения,— заключает автор,— больше всего заметны в деревнях, расположенных вблизи городов, и особенно в усадьбах зажиточных крестьян... Именно сельская буржуазия всячески подражала городскому купечеству, строившему свои дома из камня, и вообще стремилась жить „на городской фасон“».

Резьба на конструктивных деталях домов (и предметах крестьянского быта) во второй половине XIX — начале XX в. почти повсеместно, по данным Л. М. Русаковой, сменилась росписью, в чем, видимо, также следует усматривать влияние городского каменного зодчества. Говоря о развитии декора интерьера деревенского жилища, Л. М. Русакова выявляет в нем два хронологически различающихся пласта: ранний (преимущественно геометрические и полурастительные мотивы) и поздний (преобладание растительных мотивов). Причем роспись интерьера, как показано в книге, в соответствии с требованиями народной эстетики органично сочеталась с росписью на мебели. Особенно подробно характеризуется при этом орнаментика деревянных прялок. И в домовой росписи, и в росписи прялок автором просматриваются композиции, генетически связанные с языческой символикой и в целом с мировоззрением древних славян.

Однако наиболее архаические мотивы, по данным автора, сохранялись в вышитых, тканых и кружевных узорах. Некоторые из них восходили к знеолиту, к древнейшей наскальной графике. В основу последнего вывода легла трудоемкая работа исследователя по дешифровке изображений на многочисленных изделиях из крестьянского полотна, в первую очередь на полотенцах. Легко заметить определенную пристрастность Л. М. Русаковой к деревенским рушникам и их орнаментике — этому посвящено около 50 книжных страниц. Автор опровергает устоявшееся мнение о том, что в вышивке и тканье в Сибири господствовал в прошлом исключительно геометрический орнамент, сославшись на факт обнаружения немалого числа полотенцев с сюжетными изображениями.

Вполне обоснованно в книге выдвигается требование более продуманного решения вопроса об этнических взаимовлияниях в сфере искусства. Необходимы в данном случае, по мнению Л. М. Русаковой, «тщательные порайонные исследования традиционного искусства сибиряков с учетом

специфики условий, в которых оказалась та или иная группа русских переселенцев из-за Урала, а также тех традиций, которые сложились у такой группы еще на местах выхода» (с. 86—87). Игнорирование последних такими авторитетными специалистами, как Д. А. Болдырев-Казарин, Г. А. Шербик, Г. И. Охрименко, интересовавшимися творчеством сибирских крестьян, связанным с художественной обработкой ткани, заставило автора книги критически пересмотреть некоторые их выводы. Вполне убедительным выглядит общее заключение Л. М. Русаковой о том, что это творчество, как и традиционное изобразительное искусство русских сибиряков в целом, в сравнительно небольшой степени было подвержено инонациональным новациям. Причем объяснение ситуации, как показано в книге, надо искать не в замкнутости этноса и не в национальной предубежденности, а в особенностях развития системы эстетических взглядов народа. Сибирские вышивальщицы и кружевницы, в частности, старались следовать художественным канонам, выработанным предками; строже всего это выдерживалось у старообрядцев. Так, о белых стеновых пологотцах бухтарманских кержаков на с. 88 говорится: «В них все „дышит“ архаикой: технические приемы (двусторонний русский шов „роспись“, двусторонняя плетная перевить, примитивный способ ажурного тканья перед бердом, браное и „закладное“ тканье); ограниченный набор мотивов геометрического орнамента (кресты с крючками на концах, ромбы с множеством „гребенок“ и ромбы с крючками на двух или четырех вершинах); устойчивая структура всего орнаментированного конца полотенца...».

Однако рост товарности крестьянского хозяйства в Сибири, усиление связей с городом, социальное расслоение деревни не могли не вызывать существенных перемен в духовной культуре сельских тружеников. Не все эти перемены были к лучшему. «Уже с конца XIX в. и особенно в начале XX в., — заключает автор, — сокращается изготовление льняных тканей для мужской и женской одежды, которую стали шить из фабричного материала. Яркие набивные и крупноузорчатые ткани не нуждались в украшениях вышивкой и ткаными узорами. Постепенно начинает сокращаться либо совсем исчезает орнаментация швейных изделий. Древние технические приемы вышивки (перевить, роспись, набор, двусторонняя гладь) забываются, от них отказываются в пользу менее трудоемкого шва крестом, выполнявшегося по канве. Для вышивки мужских рубаш и полотенец используются печатные образцы с узорами преимущественно растительного характера. Многие изделия становятся похожими друг на друга, как близнецы» (с. 159—160). Более благоприятными, как показывается в последней главе книги, оказывались условия конца XIX — начала XX в. для судеб традиций, связанных с художественной обработкой металла.

Важен заключительный вывод Л. М. Русаковой о том, что творчество сибирских мастеров-ювелиров, кузнецов, деревенских зодчих, резчиков и живописцев, кружевниц и вышивальщиц, любителей узорного тканья, развивавшееся в русле национальной художественной культуры, способствовало в конечном счете существенному обогащению отечественного, а следовательно, и мирового художественного фонда.

Разумеется, к автору книги можно предъявить немало претензий. Явно неравномерно представлены разные виды крестьянского изобразительного искусства (особенно не повезло «художественному металлу»). Заметно доминирует и в тексте, и в иллюстрациях алтайский материал; искусство крестьян Средней и Северной Сибири могло бы быть охарактеризовано более обстоятельно — стоило полнее использовать фонды Тобольского, Тюменского и других сибирских музеев. По мнению Л. М. Русаковой, «древний смысл некоторых изображений в вышивке и тканых узорах», орнаментике деталей домов и предметов крестьянского быта был известен сибирским крестьянам даже в конце XIX — начале XX в. Однако сколько-нибудь убедительно этот вывод не подтверждается. Вообще, увлекшись расшифровкой первоначального смыслового содержания орнаментов, присутствующих в них мотивов и композиций, автор не решает до конца вопроса о том, как истолковывались эти мотивы и композиции (с показом эволюции) крестьянским сознанием конца XVIII — первой четверти XX в. Заслуживала большего внимания проблема влияния на традиционное искусство русских крестьян Сибири православной религии и церкви.

Встречаются в книге досадные опечатки. Например, на с. 114 говорится: «Как следует из ранних публикаций Е. А. Авдеевой (1837 г.) и С. И. Гуляева (1939 г.), в Иркутской губернии и на Алтае песни „Олень“ и „Ящер“ исполнялись взаимосвязанно в ходе одной игры». Между тем публикация Гуляева относится к 1839 г. Кстати, в сноске она вообще не указывается, названа лишь работа Е. А. Авдеевой. Свидетельство И. П. Фалька относится не к 1824 г. (см. с. 133), а к 70-м годам XVIII в. Дата публикации записок его путешествия на с. 167 также указана неправильно: «1924», а надо «1824». Искажена фамилия одного из авторов коллективного труда «Русская свадьба. Свадебный обряд на верхней и средней Кокшеньге и на Уфтьюге. (Тарногский район Вологодской области)» (с. 168) — надо «Балашов», а напечатано «Балышев».

В целом работа Л. М. Русаковой является крупным вкладом в отечественную историко-этнографическую науку, заметным шагом вперед на пути постижения огромного культурного наследия русского народа.

Н. А. Миненко